

83.3(2=411.2)5-8

Ч-48

СА-410140

12+

Лариса Черкашина

НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

Наталия Гончарова

051014-00
СА-410140

Лариса Черкашина

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
ВЕЧЕ

Настеньке Черкашиной,
чья биография еще только начинается

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом пушкинском сонете — ключ к биографии Наталии Гончаровой.

Каждая строка, словно нить ожерелья, нанизывает грядущие события ее жизни.

...В простом углу моем, средь медленных трудов,

Одной картины я желал быть вечно зритель,

Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,

Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —

Взирали, кроткие, во славе и в лучах,

Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,

Чистейшей прелести чистейший образец.

Пушкин сумел предвидеть, предвосхитить суть своей избранницы, ее гений, тихий гений красоты и материнства. Мадонна. Слово было найдено, самое емкое и точное.

Нет, Пушкин не посягнул на святые для каждого христианина понятия: ни Богородицей, ни Пречистой Девой свою невесту он не назвал. Мадонна — образ поэтический. Но главное, что и самой Наталией Николаевной, глубоко верующей, эти строки, как и само сравнение, были приняты. Не отвергнуты ее чистой душой.

Чистейшая — Пречистая, образец — Образ. Слова почерпнуты из одного живоносного источника, имя которому — православная вера.

Но все же Пушкин назвал невесту Мадонной и этим будто предсказал ее будущие страдания. Только не за Сына-Спасителя — за него, за мужа. Страдания долгие, болезненные. Отравленные вечными уко-

рами совести, сознанием своей вины. Хоть и вины-то ее в обычном нашем понимании не было. Была чиста перед мужем, откровенна с ним, любила его и была любима. Но... молодость, доверчивость, неосознанное чисто женское желание нравиться, соблазны света и какое-то роковое стечение событий — и она так жестоко наказана!

И что по сравнению с ее неизбывной болью значила людская молва? Та самая соль на вечно кровоточащую рану. Жизнь после Пушкина была для нее, по-христиански, великим очищением.

Полтора столетия минули с кончины жены поэта — и полтора столетия кипят страсти: кто она в жизни Пушкина — ангел, роковая женщина или просто «пустое место»? И как же медленно и трудно очищается ее образ от обывательского злословия, чтобы вновь предстать в своей первозданной чистоте. Поклоняться Пушкину и чернить его Мадонну — «две вещи несовместные». Ведь вся жизнь его и поэзия после декабря 1828-го — первой встречи с Натали Гончаровой — осе-нена ее светлым именем.

Встреча та стала поистине судьбоносной для отечественной культуры. И ныне видится событием мирового порядка. Не случись она тогда в заснеженной декабрьской Москве, не легли бы на лист божественные строки сонета:

Творец

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна..!

Прекрасному творению Божьему Пушкин отныне готов поклоняться всю жизнь, в нем одном черпать и восторги, и утешения, и силы. Не множеством, а одной! Не другими, прежде любимыми и воспетыми, но ею, единственной!

Неиссякаемый источник любви и вдохновения поэта: его кумир, Ангел, сокровище, Мадонна! Счастливейшим из людей называл себя Пушкин в преддверии свадьбы...

Судьба замечательной красавицы XIX века Наталии Гончаровой и поныне окутана мифами, таит в себе множество неразгаданных тайн. Как ни странно, но описать ее жизнь, вставив во временные рамки детства, юности, зрелости, — невозможно. И все потому, что у Наталии Гончаровой... поэтическая биография, где события ее жизни, нарушая привычную хронологию, легко рифмуются с будущим и прошлым. И почти никогда — с настоящим. Она — Муза!

«Ты — первый поэт, Пушкин, а твоя жена — воплощенная поэзия!» — воскликнул восторженно один из друзей поэта, увидев впервые их вместе.

Наталия Гончарова удостоилась любви русского гения. Но и сама она умела любить...

И подтверждением тому, как ни парадоксально, — ее жизнь без Пушкина! Второе замужество ничуть не умалило силу былых чувств. Ее душа, укрепившись в страданиях, стремилась к покинувшему земной мир мужу, воспаряя в ту заоблачную высь каждодневно, в молитвах. Ни единого дня она не прожила без его имени.

И чтобы осмыслить, понять дар Наталии Гончаровой, ее миссию, — должно было пройти не одно десятилетие! Время — величайший судия. Отстоялось, отсеялось все пустое, наносное. Образ избранницы поэта пробился сквозь напластования времен.

«Я хотел бы представить женщину, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком!» — признавался Александр Куприн.

Как хотели оказаться на ее месте, в веке золотом, поэтессы века серебряного — Марина Цветаева и Анна Ахматова, тонкие, эрудированные, независимые. Но так и не смогли свергнуть Наталию Гончарову с поэтического пьедестала, на который возвел ее сам Пушкин: «Моя царица»!

МИНИАТЮРЫ ИЗ ДВОРЦА ГОНЧАРОВЫХ

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты...

А.С. Пушкин

НАСЛЕДНИЦА

Судьба подарила мне встречу с Натальей Гончаровой. Уточню — Натальей Глебовной. Тезкой своей далекой тетушки красавицы Натали, в первом замужестве принявшей светоносную фамилию — Пушкина.

Знакомство наше давнее, и встречались мы с Натальей Гончаровой много-много раз: и в дальних поездках, и на семейных застольях, и на пушкинских вечерах. И никогда не покидало меня чувство, что ее тихий, ровный характер, незлобивость, скромность и доброта, что не от мира сего, — достались ей по наследству вместе с именем и фамилией от Натали Гончаровой. Не такое уж и дальнее родство (если представить мысленно семейное древо Гончаровых-Загряжских-Пушкиных) — быть правнучатой племянницей.

Не столь давно вместе с Натальей Гончаровой я была приглашена в усадьбу Полотняный Завод, где вначале сентября, по традиции праздновались именины избранницы поэта — Натальин день. Обычно в этот день в родовом имении собираются многие потомки Гончаровых.

Тогда Наталья Глебовна преподнесла в дар гончаровскому дворцу-музею редкостную семейную реликвию — фарфоровый сервиз, привезенный в конце восемнадцатого века из Парижа, ее прапра... дедушкой Афанасием Николаевичем. И родным дедом Таши Гончаровой, обожавшим свою милую внучку.

Сервиз из расписного тончайшего фарфора: кофейник и чашечки на подносе, прежде стоял в гостиной их небольшой квартиры, вспоминает Наталья Глебовна, и детям, и ей в том числе, строжайше за-

прещалось не только прикасаться к хрупким чашечкам, но и близко подходить к фарфоровому чуду.

Через многие годы, став владелицей семейной реликвии, Наталья Глебовна по своему разумению распорядилась ее судьбой...

Гости ахали и охали, разглядывая диковинный сервиз, благодарили, восхищались. Наталья Глебовна спокойно стояла в стороне, будто вся эта суета ее вовсе и не касалась.

«Но ведь это подвиг подарить такую дорогую и памятную вещь!» — сказала я несколько запальчиво, восторгаясь и не понимая, как можно по доброй воле расстаться с семейным сокровищем. И запомнила ее тихий ответ: «Нет, не подвиг. Может быть, поступок».

Наталье Глебовне некогда принадлежали доставшиеся от отца Глеба Дмитриевича Гончарова, сына последнего владельца Полотняного Завода, старинные миниатюры с портретами ее предков. Так получилась, что лет тридцать назад она отдала их на хранение старшему брату. Брат умер, а миниатюры так и остались в его семействе в Петербурге, и за давностью лет, либо по иным житейским причинам, возвращать их наследники — вдова и дочь брата — отказались. А Наталья Глебовна лелеяла свою давнюю мечту — вернуть фамильные реликвии в родовую усадьбу Полотняный Завод.

Полотняный Завод разделил горькую участь многих российских дворянских гнезд. Богатейшее в России имение, что некогда изволила посетить матушка-императрица Екатерина II, после октября семнадцатого года являло собой жалкое зрелище. Правда, какое-то время опустевший дворец не трогали.

Хозяйка дворца Вера Константиновна Гончарова после смерти мужа (Дмитрий Дмитриевич-младший, спасая рабочих во время сильнейшего наводнения 1908 года, простудился и умер от воспаления легких) вышла вторично замуж и переехала на жительство в Москву. В опустевшем дворце оставались две дочери от первого брака, барышни Татьяна и Ольга. Накануне нянюшка Татьяна Егоровна сообщила им страшную весть, что по секрету шепнул ей сын-большевик — в дом нагрянут чекисты из Калуги и арестуют барышень. «Берите самое ценное из дома, — сказала им преданная нянюшка, — и тотчас уезжайте в Москву!». Сестры спустились в подвал, взяли по банке абрикосового варенья (именно его в силу своего юного возраста они сочли самым ценным в доме) и ночью, на подводе, добрались до станции. А утром, не обнаружив в усадьбе барышень Гончаровых, взбешенные чекисты

(надо же было выполнять разнарядку!) расстреляли двух юношей, сыновей управляющего...

А в гончаровском дворце в подвальной комнате, обитой железом, хранились поистине бесценные письма Петра I, жалованные грамоты русских императриц Елизаветы и Екатерины II, фамильный герб. И письма Пушкина.

И не воспоминанием ли поэта о реликвиях гончаровского особняка навеяны строки из «Капитанской дочки»: «В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке»?

Гончаровы умели хранить, и сбереженный поколениями фамильный архив в Полотняном Заводе — царские грамоты и послания, школьные тетрадки и девичьи альбомы, семейная переписка и фабричные счета — лучшее тому подтверждение.

Но время властно диктует свои законы. Революционный семнадцатый стал гибельным и для родовых дворянских усадеб, и для их именитых владельцев. И все же Гончаровы — последние владельцы Полотняного Завода — пытались всеми правдами и неправдами спасти фамильные реликвии. Так, бывшей кормилице, а затем — горничной Татьяне Егоровне Новиковой, преданной гончаровскому семейству, на хранение была отдана господская шкатулка. По воспоминаниям, в том заветном ларце таились настоящие сокровища: письма Пушкина на французском (не невесте ли?), билет, оповещавший о помолвке Натали (на дорогой бумаге, с золотым тиснением), неведомые записки. Со временем исчезнувшая шкатулка превратилась в одну из семейных легенд...

Татьяну Егоровну арестовали в 1930-м (со многими порядками при новой власти она не смирилась и говорила о том открыто, не таясь). Когда в деревенскую избу пришли незнакомцы в штатском, та сумела шепнуть кому-то из детей: «Сбереги шкатулку!» Дети же после того, как мать увели, испугавшись, побросали все «крамольные» бумаги из господского ларца в огонь, в печку. Только старинная шкатулка и осталась.

Хранились ли в ней письма самой Натали, ее первые послания к поэту — «язык девических мечтаний»? Кто может ныне ответить?..

...В 1922-м к парадному входу гончаровского дворца подогнали десяток подвод. По распоряжению Губмузея архив помещиков Гончаровых следовало передать в Калугу: бесценные документы навалом

«КТО ХОЧЕТ ПИСАТЬ РУССКИЕ СТИХИ»

Я жду обещанной тетради...

А.С. Пушкин

Детство Наталии Гончаровой. Что мы знаем о нем? Будто белое пятно в ее биографии, пустые страницы в книге ее бытия. Словно и не было его. А без них, этих самых благодатных лет человеческой жизни, невозможно постичь сущность избранницы поэта, ее характер, пристрастия, душевные порывы...

ПОЛОТНЯНО-ЗАВОДСКИЙ ЛИЦЕЙ

Все началось с удивительной выставки — посвящалась она миру детства ушедшей эпохи и проходила в начале девяностых в Москве, в Доме художника на Крымском валу.

Чего там только не было! Деревянные лошадки и глиняные свистульки, фарфоровые куклы и картонные лото, потешные шахматы и полки оловянных солдатиков — все эти старые игрушки, столь любимые некогда и безымянными крестьянскими ребятишками, и будущими российскими венценосцами, буквально заполонили огромное выставочное пространство. Старинные буквари, портреты, книжки, рисунки... Поистине, утерянный мир детства иной, неведомой цивилизации каким-то чудом материализовался вдруг в центре Москвы...

Пробродив по залам несколько часов кряду и собравшись было уходить, в самом низу большой стеклянной витрины я увидела раскрытую детскую тетрадку. И, скорее всего, прошла бы мимо, если бы не табличка. Она по музейному скупому уведомляла: «Ученическая тетрадь Натали Гончаровой. 1822 г. Орешковые чернила». Встав почти на колени, попыталась разобрать записи:

Дни юности! быстро вы, быстро промчались!

Исчезло блаженство, как призрак во мне,

А прежние скорби на сердце остались,

Зачем же и сердце оставлено мне?

Почему десятилетняя девочка запомнила и переписала эти совсем не детские стихи в свою тетрадку? Дальше шли и вовсе поразительные строки: «Стихи столько же свойственны нашему языку и столько же приятны для слуха, сколько ямбические и хореические...»

Неужели это написано будущей избранницей поэта, первой московской красавицей Натали Гончаровой?! Девочка, почти ребенок, она различает уже стихотворные размеры... Это случайное открытие тогда просто ошеломило меня. Но в выставочной суете я почему-то не удосужилась узнать — где хранится и кому принадлежит эта всплывшая из таинственных глубин детская тетрадь...

Незаметно пролетел год. Наслоились новые заботы, дела, впечатления. Но мысль о той старой тетрадке занозой сидела в моей памяти. И вот он, благословенный случай! Как всегда неожиданно, позвонил мой добрый знакомый Игорь Глебович Гончаров, прямой потомок Дмитрия Гончарова, старшего брата Натали. Он собирался в Полотняный Завод на встречу с рабочими местной бумажной фабрики (кстати, Полотняно-Заводская фабрика работает уже три столетия!), пригласил и меня.

...Стоял яркий мартовский день. Старый гончаровский парк, разбуженный весной, потихоньку оживал. Оживал и старинный родовой дом. Реставрационные работы в нем недавно завершились, и в комнатах остро пахло свежей побелкой и краской. Игорь Глебович, старший из Гончаровых, любезно согласился стать моим гидом.

Мы проходили анфилады комнат возрожденного дворца, каждая из которых хранила былое название.

— Это «мраморная» комната, она была подготовлена к приезду в Полотняный императрицы Екатерины II в бытность еще Афанасия Абрамовича, патриарха нашего рода, владельца многих ткацких и бумажных фабрик.

Эта комната называлась «китайской», стены ее были затянуты тканью с гирляндами цветов и экзотическими птицами, а вдоль овальной стены стоял длинный диван, тоже овальный, с мягкими подушками... Здесь, при входе в кабинет, слева от этой двери висел портрет Данте-

«ОГОНЧАРОВАН»

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве...

А.С. Пушкин

ЦАРСКИЕ КОМПЛИМЕНТЫ

В жизни избранницы поэта, сколь удивительно счастливой, столь и трагичной, было немало таинственных знамений и пророчеств, что ждут еще своей разгадки. И вот одно из них, по времени совпадающее с первым знакомством юной красавицы и поэта.

Небесная покровительница была необычайно щедра к Наталии Гончаровой, одарив ее сполна и божественной красотой, и чуткой душой, и предобрым сердцем. Шестнадцатилетняя Натали, только что увидевшая свет, и, быть может, сама того не желая, затмила редкостной красой всех своих сверстниц — московских дев.

«Веселое и беззаботное было время, — вспоминала современница. — Много было тогда красавиц в Москве: княжна Софья Урусова, княжны Щербатовы, Софи Пушкина, Полина Боборыкина, Гончарова».

Блестит между минутных роз

Неувядаемая роза...

Натали Гончарова, как одна из самых очаровательных московских барышень, приглашалась для участия в живых картинах — весьма модном тогда светском развлечении.

Удивительно, но благодаря воспоминаниям и письмам современников можно узнать ныне, какими картинами восхищались именитые гости в тот предновогодний вечер в генерал-губернаторском особняке на Тверской.

Завсегдатай светских салонов, Александр Булгаков, в будущем московский почт-директор, полагал, что великолепнее всех была живая картина, «изображавшая Дидону»: «Лазарева была восхитительна,

хотя ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прелестной Магдалины. Но кто была очаровательна, — это маленькая Алябьева — красавица; маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна».

Публика в восторге требовала вновь и вновь повторения изящной сценки...

«А что за картина была в картинах Гончарова!» — восторгается князь Вяземский. В его памяти так свежи впечатления от живых картин, виденных им на святочном балу у московского генерал-губернатора. И пишет он Пушкину в Петербург, словно поддразнивая приятеля, безнадежно влюбленного в первую московскую красавицу.

Натали Гончарова и Александра Алябьева — две восходящие звезды на московском небосклоне, словно вступили меж собой в негласное состязание. Да и Вяземский в письме в Пушкину, сравнивая юных красавиц, отмечал у Алябьевой классическую красоту, а у Гончаровой — романтическую, и заключал: «Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения».

И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

Той далекой ныне весной балы в Первопрестольной шли беспрестанной чередой. Вот что сообщал биограф поэта П.В. Анненков о московских событиях, что предшествовали сватовству Пушкина:

«В 1830 году прибытие части Высочайшего Двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталия Николаевна принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и, смеем сказать, удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим — в великолепных живых картинах, данных Московским генерал-губернатором князем Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин. По обыкновению своему он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания».

В марте того же года произошло еще одно знаменательное событие — император Николай I, обратив впервые внимание на юную Натали, отметил ее любезность и красоту в беседе с Наталией Кирилловной Загряжской, родственницей Гончаровых.

ЧУДО БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ

Мир вам, тревоги прошлых лет!

А.С. Пушкин

«ЧТО ЗА ПРОКЛЯТАЯ ШТУКА СЧАСТЬЕ!»

Август 1830-го выдался для поэта беспокойным. Накануне отъезда в свою нижегородскую вотчину Пушкину предстояло неприятное объяснение с Наталией Ивановной Гончаровой, переросшее в открытую ссору.

Размолвка с будущей тещей произошла на Никитской, в доме Гончаровых, где 27 августа 1830 года праздновались именины обеих Наталий — невесты и ее матери. Через несколько дней Пушкин уезжает в свое сельцо Болдино.

Пушкин — княгине Вере Вяземской:

«Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настезь... Ах, что за проклятая штука счастье!»

Пушкин — Натали Гончаровой:

«Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили по-виноваться ей, — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны...»

или философского камня. Как будто неудачи, преследовавшие поэта в том, 1830 году — и злобные болгаринские выпады, и полная неясность относительно свадьбы, и хозяйственные хлопоты, и надоевшее безденежье, и разлука с невестой, и беспокойство за нее — переплавились в незримом горниле в таинство, нареченное потом Болдинской осенью.

«ЧТОБ СЕРДЦЕМ ВОЗЛЕТАТЬ»

Но одна из разгадок этого необычного поэтического феномена все же есть. В том далеком ныне 1830-м, всего в нескольких десятках верст от барского особняка в Болдине, в Саровской обители молился великий исповедник земли российской старец Серафим. Здесь было дано Серафиму Саровскому видение Пресвятой Богородицы, явившейся к нему в день Благовещения. (И ныне в православном мире эти места почитаются как четвертый, последний земной удел Богородицы.)

И в это же самое время сестры из Дивеевской обители, следуя советам старца, копали Святую Канавку там, где ступала по земле Царица Небесная. Святая Канавка была проложена к началу 1833 года, и тогда же, в январе, старец тихо почил.

«Как не встретились два солнца России? — восклицал русский мыслитель Сергей Булгаков. — Пушкин прошел мимо преподобного Серафима, его не приметя... Ему был свойственен свой личный путь и особый удел — предстояние перед Богом в служении поэта».

Всего единожды, лишь осенью 1830-го удивительно близко по земным меркам сошлись пути святого старца и великого поэта. И это сближение во времени и в пространстве не стало ли предтечей Болдинской осени?

Как знать, не разгорелся ли святой пламень пушкинского вдохновения благодаря молитвам Серафима Саровского? Прямая эта связь или нет, судить не нам. Но более такой плодородной осени в жизни поэта не было — такой божественной озаренности, такого взлета творческого гения. Не было и ни у кого из поэтов, когда-либо живших на Земле.

«ПАМЯТНИК ЖЕНА ЕМУ ВОЗДВИГЛА»

Случай, Дона Анна, случай

Увлёк меня — не то вы б никогда

Моей печальной тайны не узнали.

А.С. Пушкин

Пушкин есть пророчество и указание.

Ф.М. Достоевский

Вдохновенной Болдинской осенью 1830 года Пушкин в считанные дни завершил новую пьесу «Каменный гость» и на последней странице рукописи вывел дату — 4 ноября.

В тот же ноябрьский день он посылает из своего нижегородского имения невесте полное отчаяния письмо — поэта одолевают сомнения: не расстроится ли их свадьба? И далее рассказывает Натали об одной печальной истории, связанной с некоей дамой и ее альбомом. Альбом этот, которым дама чрезвычайно дорожила, не позволяя прикасаться к нему, и который раскрыли после ее внезапной кончины, оказался совершенно чист, и лишь на одном его листе были записаны пушкинские стихи:

Не долго женскую любовь

Печалит хладная разлука...

Почему поэт привел эти строки в письме к невесте? Находился ли он под впечатлением только что завершённой пьесы, или это просто случайное совпадение — но и «Каменный гость», и письмо к Натали помечены одним и тем же числом — 4 ноября.

Беспокойство поэта было тогда напрасным. Свадьба его, как известно, не расстроится, и уже в следующем году наступит благословенный день в жизни Пушкина — в храме Большого Вознесения он обвенчается с красавицей Натали. Потекут счастливейшие месяцы супружеской жизни, будут творческие озарения, радость отцовства,

встречи с друзьями, путешествия, хлопоты, разлука с семьей — все влезет в эти долгие шесть лет...

Но будет и еще один день — роковой! — 4 ноября 1836 года, когда поэт получит анонимное письмо, грязный пасквиль, с которого и начнется отсчет последних дней, отпущенных ему судьбой...

И наступит тот, январский, когда на Черной речке близ Комendantской дачи в пятом часу пополудни прогремит выстрел и петербургский снег обагрится кровью поэта. А вслед за ним придет и скорбный день — 29 января 1837 года. Последний в жизни Пушкина...

Но тогда, осенью 1830-го, о том ему не дано было знать.

«Не смею заглядывать в будущее», — обронил как-то в одном из писем поэт. И все же Будущее, незнаемое и туманное, являлось ему и приоткрывало свои сокровенные тайны. Отсюда и пушкинские пророчества: сбывшиеся и сбывающиеся.

Конечно, легко о том судить ныне, когда о жизни Пушкина известно почти все, до мелочей, а календарь отсчитывает дни и годы XXI столетия! И все-таки, не есть ли «Каменный гость» некоей попыткой поэта заглянуть в будущее? И не странно ли, что это творение, отнюдь не крамольное, так и не было напечатано при его жизни?

Известно, что Пушкин положил в основу пьесы старинную испанскую легенду о Дон Жуане, знаменитом искусителе женских сердец. Ее герой, молодой повеса гранд Дон Хуан ди Тенорио, жил в Севилье в середине XIV столетия. Однажды под покровом ночи он прокрался в дом командора Калатравы с умыслом обольстить его прелестную дочь. Вбежавший на крик дочери отец в поединке с Дон Хуаном был им заколот. На могиле убитого, погребенного во францисканском монастыре, воздвигли статую. Позднее Дон Хуана заманили в монастырь, убили, — и его внезапную смерть объяснили местью статуи командора.

Первым, кто взял на себя труд литературно обработать эту легенду, был испанский драматург эпохи Возрождения Тирсо де Молина (его настоящее имя — Габриэль Тельес). «Севильский озорник, или Каменный гость» — комедия в трех актах и восемнадцати картинах была завершена великим испанцем в 1630 году.

Магистр Тирсо де Молина стал поистине «крестным отцом» Дон Жуана — так имя героя звучало на французском. С легкой руки магистра образ рыцаря-сластолюбца вдохновлял поэтов и компози-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Под гул Бородинской битвы»	6
Миниатюры из дворца Гончаровых	13
«Кто хочет писать Русские стихи»	32
Любовное приключение генерала Загряжского	49
«Целую кончики Ваших крыльев»	61
«И сердце вновь горит»	67
«Огончарован»	73
«Очарован своей Наташей»	90
Чудо Болдинской осени	97
«Пушкин женится!»	104
«Поэзия в выигрыше»	114
«В Петербург — к тебе, женка моя»	117
«Пора, мой друг, пора!»	140
«Памятник жена ему воздвигла»	145
Тайна супружеской переписки	153
«Искренне преданная Вам»	180
Лунная ночь для Натали	187
Прогулки по родословным аллеям	195
«Как две капли воды»	206
«Души моей царицы»	
Наталия Николаевна и русские императрицы	216
Интриги Дома Нассауских	231
«Цветок засохший, безуханный»	241
Прощальный бал в Ницце	252
Последние дни	262
«Христос Вас храни»	269
«Потомок поздний мой»	282
Приложение	292

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**